

ТУЖБА ЭМИР НОДАРИЕВИЧ

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, emirtu@yandex.ru

TUZHBA EMIR

Ph.D (sociology), senior lecturer, department of sociology and personnel management, Kuban state technological university

УДК 008

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ:
ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

**GLOBALIZATION OF CULTURE:
THE BASIC MEASUREMENTS AND IMPLICATIONS**

Аннотация. Рассматриваются измерения и последствия процессов культурной глобализации, а также особенности их воздействия на различные общества. Анализируется воздействие культуры на глобализацию и глобализацию на культуру, а также соотношение глобального и локального.

Abstract. We consider the measurement and impacts of cultural globalization, and particularly their impact on different societies. The impact of culture on globalization and the globalization of culture, as well as the relation of global and local are also analyzed.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, универсализм, локализация, глобальная культура.

Keywords: globalization, glocalization, universalism, localization, global culture.

Для современного мира характерны интеграция экономической, политической, духовно-информационной сфер жизни подавляющего большинства стран мира, имеющих объективные характеристики, или появление роста культурных коммуникаций с развитием форм человеческой жизнедеятельности. Все это приводит к росту взаимовлияния культур, формированию необходимых для этого культурных норм, ценностей, общих, если не для всех, то для многих культур.

Однако общечеловеческие ценности не конструируются искусственно в историческом процессе развития человечества, а открываются в этом процессе, встраиваясь в культуру. Они тесно связаны с породившими их духовными источниками, поэтому их содержание в глубине своей постигается интуитивно и не всегда выразимо во всем рационально.

В связи с тем, что основным субъектом глобализации выступает западная цивилизация, считалось, что именно ее ценности приобретут универсальный характер и поведут человечество к будущему. Между тем многие социальные теории весьма убедительно доказывают, что теории линейного, безвозвратного и прогрессивного развития всех стран и народов по евроцентристской модели опровергаются ходом истории человечества.

Говоря о глобализационных процессах в различных обществах, необходимо учитывать, что хотя глобализация имеет на первый взгляд

экономические формы и политические последствия, на самом деле она все больше обнаруживает первичность культуры на глобальном уровне. Именно поэтому воздействие культуры на глобализацию и глобализацию на культуру, а также соотношение глобального и локального, становится предметом особого внимания для многих ученых. Появился даже термин «глокализация», получивший распространение в трудах ряда известных исследователей феномена глобализации (Р. Робертсон (R. Robertson), У. Бек (U. Beck) и др.), отражающий сложный процесс переплетения местных, локальных особенностей культурного развития отдельных народов и глобальных тенденций в развитии мирового сообщества. Глобализация в этом контексте воспринимается как нечто громадное, внешнее, надвигающееся и, в конечном счете, подавляющее все остальное (локальное), которое, в свою очередь, воспринимается дискретно, как выступающее в конкретных мелких проявлениях, на местном, житейском уровне. Вместе с тем локальное и глобальное с этой точки зрения не исключают друг друга. Напротив, локальное рассматривается как аспект глобального. Таким образом, глобализация и локализация не исключают друг друга, они взаимосвязаны. По мнению П. Бергера (P. Berger), возможны четыре последствия, возникающие в результате взаимодействия глобализации и местной культуры: замещение местной культуры глобальной; существование глобальной и местной культур без

заметного их слияния; синтез глобальной универсальной и частной местной культур; отрицание глобальной культуры в результате мощной локальной реакции.

Каждая страна, каждая культура по-своему входит в глобализацию, и, если говорить языком А. Тойнби (A. Toynbee), дает разные «ответы» на «вызовы» глобальной американизации. Интегрируясь со всеми народами земного шара, страны стремятся приобщиться к таким принципам устройства мира, которые позволят вписаться в модель «мирового устройства» и сохранить себя, понимая, что вхождение в глобальный мир будет способствовать движению к открытому обществу, использованию достижений науки, новейших технологий и т.д. Сказанное подводит нас к вопросам о социальных горизонтах и измерениях формирующейся глобальной культуры. В какой мере различные социальные группы в различных культурных регионах мира включаются в информационный круговорот глобальных стандартов, идеологий и ценностей, распространяемых СМК? Существуют ли различные модели или измерения культурной глобализации? Ответы на эти вопросы можно найти в интересной иллюстрации адаптации местных практик (Китай, Тайвань, Япония, Германия, Турция и др.), к процессам глобализации, представленной в исследовании, прошедшем под патронажем Института по изучению экономической культуры при Бостонском университете (работа велась под руководством П. Бергера и С. Хантингтона) [2].

Как отмечает П. Бергер, процесс культурной глобализации определяется реакциями локальных культур на зарождающуюся глобальную культуру, американскую по своему происхождению и содержанию. Эти реакции могут различаться от принятия до отвержения (заметим, что в данном исследовании примеров полного отвержения выявлено не было), но в целом, глобальная культура уверенно расширяет свои масштабы, протекая в пяти основных измерениях.

Во-первых, это превращение английского языка (в его американском варианте) в язык глобального международного общения (что подразумевает распространение соответствующих ценностных и смысловых коннотаций, несомых языком). Использование языка подразумевает, сознательное или нет, приобщение к культуре носителя языка, ее ценностно-нормативным и смысловым категориям. Сегодня обмен информацией превратился в одну из доминант того подвижного, динамичного, многомерного социокультурного пространства, где формируются установки личности, ее менталитет, ее картина мира, где идет процесс накопления, преобразования и обогащения человеком социально-культурного опыта в материально-практической деятельности и общении, где преодолеваются устаревшие нормы и стереотипы. Миллионы людей во всем мире, которые все чаще используют английский язык в качестве языка международного общения, делают это главным образом из практических соображений. Если англицизм начинает овладевать обществом и становится частью повседневной

речи, проникает в культуру, то это свидетельствует о появлении новой тенденции в зарождающейся глобальной культуре. Англоязычная экспансия как явление оценивается многими странами далеко не однозначно, зачастую весьма негативно.

Вторым измерением успешности культурной глобализации у П. Бергера выступает формирование международного делового сообщества на базе «давосской культуры». Этот процесс сопровождается появлением в различных обществах от латинской Америки до Юго-Восточной Азии сообщества честолюбивых, энергичных представителей «яппи-интернационала», исповедующих ценности успеха, достижения и комфорта.

В-третьих, формирование глобальной «клубной культуры интеллектуалов» гораздо более идеологизированной, чем прагматическая культура делового сообщества. Ядро этой культуры составляют идеи и ценности, выработанные западными, в первую очередь, американскими интеллектуалами. Такие, как концепции феминизма и прав человека, идеи защиты окружающей среды и мультикультурализма и соответствующие им образы и стили жизни. Согласно П. Бергеру, именно в отношении клубной культуры интеллектуалов в наибольшей степени подходит термин «культурный империализм», что в немалой степени обусловлено финансированием значительного количества международных научных и культурных программ западными, преимущественно, американскими фондами.

В-четвертых, распространение глобальной массовой культуры, представленной такими символами, как MTV, джинсы, поп-музыка, Дисней и Голливуд и т.п. Как указывают авторы исследования, масштабы распространения глобальной массовой культуры едва ли можно преувеличить, она проникает в широкие слои населения во всем мире.

В-пятых, широкое распространение массовых движений. Часть из них связана с клубной культурой интеллектуалов. Например, феминистское движение, движение за права человека и разнообразие в защите окружающей среды. Другая часть представляет религиозные движения христианской, преимущественно протестантской, направленности (евангелический протестантизм) или имеющие восточные корни (движения Нью-Эйдж).

Среди перечисленных измерений культурной глобализации можно выделить элитарные и массовые. К элитарным проявлениям глобальной культуры относятся «давосская» культура деловой элиты и культура интеллектуалов. Носителями и той, и другой становятся достаточно узкие социальные группы в странах и регионах, вовлекаемых в процесс глобализации.

Как полагает Т. А. Хагуров, элитарность в данном случае не означает сложности и рафинированности, а скорее указывает на социальный и экономический статус носителей. Если понимать культуру как систему ценностей, норм и идеалов, регулирующих стиль и образ повседневной жизни, то можно видеть, что как «давосская», так и культура интеллектуалов, по-своему, достаточно примитивны. Столь резкая оценка обусловлена характером

ценностей и ключевых идей, составляющих ядро рассматриваемых «островов элитарности» культурной глобализации. Что касается Американской версии культуры интеллектуалов, то ее содержание по существу сводится к тиражированию нескольких несложных идей — феминизм, гендерные проблемы, права человека и т. д. [4, с. 40].

В этой работе [2] индийский ученый Туласи Шринивас отмечает, что в любом индийском городе обнаруживают себя последствия глобализации: гигантские щиты, рекламирующие кока-колу, MTV, двигатели фирмы Hyundai, персональные компьютеры и кофе Sunrise, висят на видных местах. Культурная глобализация принимает в Индии самые разные формы и все больше «просачивается» вниз — из средних классов в бедные, она неизбежна, и те, кто пытаются сопротивляться ей или отклонить ее, круглые идиоты [2, с. 123].

Упомянутые симптомы и конкретные проявления глобализации культуры в области материального производства в полной мере относятся и к духовной сфере, где для распространения и взаимовлияния различных идей, учений, верований и т. п. теперь практически не существует никаких границ. Все наиболее значимые научные открытия и выдающиеся произведения литературы практически сразу переводятся на многие языки мира, популярные песни и мелодии, лучшие образцы моды или сценического искусства с феноменальной скоростью распространяются по планете и по большей части легко вписываются в контекст традиционных культур, которые воспринимают, ассимилируют такие элементы мировой культуры и в то же время сами дают ей все новые импульсы.

На это обращает внимание в своем исследовании и китайский ученый Яньсянь Янь, когда пишет: «Локализация иностранной культуры и местный подход к импортированной культуре — это и в самом деле ключ к пониманию нынешней культурной глобализации в Китае, поскольку большинство китайцев заняли активную и положительную позицию по отношению к импортированной иностранной культуре. Официально это отражено в следующем лозунге 1990-х годов: «Китай для мира и мир для Китая». Фактором глобализации является не только влияние Запада, но и продукция, например, массовой культуры, произведенная в Гонконге, на Тайване, в Сингапуре и Японии, которая, в противоположность западной культуре, проще адаптируется в китайской среде. Отсюда следует вывод, что глобализация культуры носит повсеместный характер и не инициируется из какого-то одного центра, в качестве которого нередко называют США, а то и вовсе такой центр производства массовой культуры, как Голливуд. Автор считает культурную глобализацию в Китае управляемой и имеющей несколько особенностей: 1) глобализация переосмыслена как часть модернизации, как важная составляющая цели, которую ставит перед собой партийное государство; 2) большая часть культурной элиты — основной проводник влияния западной культуры и ее локализации; 3) китайское партийное государство — активный лидер глобализации; 4) народные массы стремятся адаптировать к местным условиям

элементы импортированной иностранной культуры [2, с. 27–53].

Синь-Хуань и Майкл Сяо, исследуя Тайвань, отмечают сосуществование и синтез в четырех сферах культуры: 1) давосская культура (различия в предпринимательской культуре не становятся барьерами ни для международных компаний, занимающихся коммерческой деятельностью на Тайване, ни для местных тайваньских предприятий, расширяющих свои деловые связи со всем миром); 2) культура мак-мира (глобализационные силы массовой культуры не только сосуществуют с силами локализации, но и способствуют увеличению культурного разнообразия на Тайване и усиленному поиску своей культурной аутентичности); 3) международная клубная культура интеллектуалов (тайваньская культура стала ближе к предполагаемой мировой клубной культуре интеллектуалов, что повлекло за собой культурную гетерогенизацию); 4) панорама религиозной жизни стала более многообразной [2, с. 57–75].

Т. Аоки, рассматривая некоторые аспекты глобализации в Японии, пишет: «Что касается образа жизни и массовой культуры, бизнес-технологии и идей интеллектуальной элиты, глобализация не стала процессом, посредством которого некоторые из существующих «стандартов» распространяются повсюду и все охватывают. Скорее это динамическое движение, благодаря которому некая общность принимает в пространстве и времени и на различных уровнях определенную форму. Глобализация в Японии не привела к гомогенизации, а развивалась динамично, открывая путь разнообразию и многополярности» [2, с. 77–96].

Культурная глобализация в Германии рассмотрена в работе Х. Кельнера и Х. Зофнера. Исследование различных аспектов культурной глобализации (степень распространения языка международного общения среди немецких менеджеров; установление отношения немецкой интеллектуальной элиты к традициям; появление форм культурного самосознания в повседневной жизни) позволило им очертить ее контуры. Отмечается обеспокоенность немцев «вторжением англицизма» в их жизнь. Протестующие, как и культурные традиционалисты, заинтересованы в формировании европейской культуры, которая в состоянии вести в глобальном мире свою собственную «игру» [2, с. 131–157].

Э. Озбудун и Е. Кейман, изучавшие турецкое общество, отмечают, что в области массовой культуры глобализация оказывается процессом, который допускает сосуществование глобального и локального. Авторы акцентируют свое внимание на трех моментах: во-первых, сосуществование наиболее четко проявляется в моделях потребления, которых придерживаются разные слои населения, отличающиеся друг от друга своими политическими предпочтениями, экономическим статусом и (или) уровнем благосостояния; во-вторых, культурная глобализация может рассматриваться как процесс создания подходящей платформы для оживления традиции как культурное движение; в-третьих, культурная глобализация рассматривается как

позитивный элемент для оживления местных художественных традиций, культурных объектов и символов, создающий культурную жизнь, которая отличается плюрализмом, большей демократичностью и разнообразием. Глобализация существенным образом содействует проявлению различий благодаря усилению внимания к традиции, местным условиям и самобытности. Одновременно она (глобализация) локально ведет к появлению плюралистической мультикультурной жизни — необходимого условия демократизации в Турции [2, с. 314–337].

Проведенный анализ показывает, что картина культурной глобализации довольно сложна: от попыток совмещения глобального и локального до ее отрицания. В этом контексте вновь актуализируются традиционные вопросы взаимоотношения традиции и новации, общего и национально-особенного. Глобализация рождает новые формы взаимосвязи и взаимодействия стран и народов, что связано с переосмыслением устоявшихся представлений о национальной и этнической идентичности, национализме и т. д.

Прогрессивные социальные процессы и тенденции развития мирового сообщества породили своего рода «миф о глобализации», согласно которому в будущем сотрутся различия между культурами, будут ликвидированы государственные границы, ООН станет международным правительством, люди будут жить в одинаковых городах, вид homo sapiens придет к единообразию в результате смешанных браков. Все население мира будет свободно владеть английским в качестве межнационального общения, в то время как национальные диалекты, народная музыка, танцы и т. д. станут частью фольклора [6, с. 91–92]. Такой утопический сценарий вряд ли когда-нибудь осуществится. Многие современные исследователи полагают, что прямая трансформация к западной, техногенной цивилизации вряд ли осуществима, поскольку все культуры имеют различные ценности.

Как отмечает Ф. Х. Кессиди, этнические чувства и стремления к сохранению этнической самобытности глубоко укоренены в сознании каждого человека. К тому же менталитет этносов, а стало быть и их культура, в значительной степени определяется функциональной асимметрией мозга. Словом, при всем единстве человеческого рода, общекультурных ценностей и ориентации имеются, тем не менее, фундаментальные предпосылки для сохранения своеобразия, идентичности этнических культур [1, с. 79].

Даже в благополучной Европе, несмотря на то, что европейское понятие политической нации отстраняется от всех этнических различий людей, акцентируя их отношения в едином государственном, экономическом, правовом, образовательном пространстве, вдруг стала давать о себе знать собственно этническая идентичность людей, ставящая под вопрос их прежнюю лояльность как граждан единой политической нации. Шотландцы в Великобритании, баски в Испании, франко-канадцы в Канаде, валлонцы в Бельгии осознали, что они не просто граждане своих государств, но особые этносы, с особой историей, традицией, менталитетом. Объяснить

теоретически, почему вырвался на волю «племенной инстинкт» людей, сложно.

Известный социолог С. Хантингтон, поставив вопрос «Кто мы такие?» в отношении американской идентичности, отмечает, что «американское кредо», т. е. принципы американской жизни, утвержденные отцами-основателями страны и первыми поселенцами — протестантами, разрушается под напором этнических меньшинств. Многие граждане США перестают считать себя американцами и начинают определять свою идентичность по крови, по языку, трактуя ее как афро-американскую, испанскую и т. д. С. Хантингтон описывает футбольный матч в Лос-Анджелесе, где мексиканцы, являющиеся гражданами США, болея за команду из Мексики, забрасывали американских футболистов и болельщиков, пытавшихся поднять американский флаг, всяким мусором [5]. Причину подобного он, правда, видит не в том, что в США увеличивается количество меньшинств, растет испаноязычное население, а в том, что перестал работать плавильный тигель, делающий всех жителей США, независимо от этнической принадлежности, расы, вероисповедания и культуры, гражданами Америки, ее патриотами.

В ходе глобализации некоторые идеи и структуры современной жизни действительно распространяются по всему миру. В то же время культурные особенности отдельных народов на фоне глобальных процессов приобретают все более резкие очертания. Например, информационное воздействие на арабские страны со стороны США «натякается» на серьезное неприятие, что связано, среди прочего, с попыткой достичь определенного информационного доминирования в определенном сегменте, что является чисто военной технологией. Однако арабский мир скорее сориентирован на построение отношений, а не передачу информации [7]. Это рациональность, но другого типа, при которой акцентируется другая сторона коммуникации. Можно себе представить, что это разные точки одного коммуникативного процесса. Америка концентрируется на процессе передачи, арабская культура на контакте. Отсутствие контакта отражается на том, что сообщение не поступает вообще, каким бы идеальным оно ни было. Р. Захарна видит ряд других несоответствий. США уделяют внимание масс-медиа как средству наибольшего доверия, в то же время в арабских странах этого уровня доверия к СМИ нет. США пытаются убеждать фактами и доказательствами как первичным инструментарием убеждения, в мусульманском мире более значимы метафоры и сравнения. Перед нами возникают две несовпадающие модели виртуальности, что отражается в разных приоритетах на информационном уровне. Прямая речь Буша приветствуется американской аудиторией, но рассматривается как конфронтационная аудиторией арабской. Американская и арабская аудитории имеют несовпадающие наборы убеждающих технологий. В результате не достигается результат, что говорит о недочете в нужной степени фактора разности культур.

В теоретическом и правовом смысле народы в конце XX века, получив возможность определять

собственные национальные интересы и, соответственно, стратегические векторы национального развития, выбирать союзников, торгово-экономических партнеров и т. д., являются равноправными акторами мировой политики. С другой стороны, в век урбанизации и индустриализации, глобализации и интернационализации важнейших сфер общественной жизни, наступления космополиса; массовых миграций и масштабных перемещений людей подрывается одна из фундаментальных опор национализма — территория с экономически, культурно и этнолингвистически гомогенным населением. Постепенно изменяются параметры национальной экономики, которая превращается в интегральную часть единой мировой экономики, становится зависимой от внешних факторов и в существенных своих аспектах теряет «национальное лицо». В результате, малые народы оказались перед перспективой потери национальных местных, региональных, культурных, исторических идентичностей. Столкнувшись с реальной угрозой утраты культурно-цивилизационной идентичности, многие страны с большой решимостью подчеркивают свою самобытность, генетическую связь со своей многовековой историей, демонстрируют свое активное самоопределение, категорическое непринятие глобальных культурных изменений. Возникновение этой проблемы, по сути, являющейся непосредственной реакцией на процессы глобализации, связано с ситуацией, когда, с одной стороны, все барьеры между странами, народами и культурами разрушены, а с другой стороны, нарастает тенденция к сохранению самобытности, своего права на специфическую манифестацию собственного жизненного мира.

В оправдание последнего известный иранский ученый С. М. Р. Мусави Лари, пишет: «В высшей степени нереалистично слепо принимать, следовать и копировать манеры и обычаи, институты и формулы других. Такая подражательность — просто надевание ярма покорности на собственную шею. Инициатива есть источник независимости. Подражательство — это паразит, пожирающий независимость» [3, с. 25]. Отсюда вполне очевидно, что в межкультурном взаимодействии любые «давления», навязывания или принуждения не могут увенчаться успехом.

В самом процессе культурной глобализации изначально заложен определенный конфликтный потенциал. С одной стороны, происходит быстрая экспансия глобального рынка, сопровождаемая ростом пересекающих границы коммуникационных и информационных систем. С другой стороны, обостряется ценностная чувствительность локальных и групповых структур. Явное противоречие между этими двумя аспектами, которое может быть обозначено как трансляция динамичного напряжения между сходством и различием, становится наиболее характерной чертой современного культурно-политического поля. В результате мы являемся свидетелями многочисленных конфликтов.

В современном мире каждое государство-общество одновременно существует в нескольких

пространственно-временных системах координат, что особенно наглядно проявляется в условиях глобализации. Во-первых, это общемировая глобальная система координат; во-вторых, это система координат, специфичная для определенного региона, в котором находится данная страна; в-третьих, это пространственно-временные координаты для конкретной страны. При рассмотрении положения страны в современном мире следует учитывать каждую из таких систем координат, присущее им разное историческое время.

Таким образом, современная культура остается множеством самобытных культур, находящихся в диалоге и взаимодействии, а порой и конфликте друг с другом. В условиях глобализации сохраняются территориальные и культурные границы стран, историческая память отдельных обществ, но также возрастает общность культурных стандартов, возможность стать членом объединенной системы, растет взаимозависимость. Глобализация экономических отношений, информации осуществляется в большей мере, чем глобализация культур. В том, что касается материальной, технологической сферы, наблюдается все ускоряющееся единство мира, интенсификация взаимосвязей поверх традиционных границ и барьеров. В том, что касается культурной жизни, идут совершенно противоположные процессы. Нарастают тенденции культурной изоляции и даже противостояния. В системе ценностных приоритетов на первое место выходят национальная и религиозная самобытность вплоть до оживления этно-племенных, националистических предрассудков. Причем, несмотря на то, что религиозно-конфессиональная принадлежность шире национальной и поэтому именно ее следовало бы считать верхним пределом социально-групповой идентичности. Действительно, религиозно-конфессиональная идентичность по объему шире национальной идентичности, но она уступает последней по силе мотивирующего воздействия на поведение. Реальность такова, что национальная доминанта культуры и поведения оказывается сильнее, чем религиозная.

Наблюдаемый культурный изоляционизм свидетельствует, с одной стороны, о том, что глобализация не может состояться как сугубо внешнее, информационно-технологическое единство, без того, чтобы она не была одновременно внутренним сплочением человечества как единого публичного пространства и этико-культурной общности, а, с другой стороны, о том, что для такого социально-политического и духовно-нравственного сплочения в единую общность человеческих обществ, принадлежащих к разным культурам и цивилизациям, недостаточно совпадения исходных принципов этих последних и наряду с этим требуется еще единство внешних форм, конкретной символики духовной жизни и общественного поведения. Поэтому культурная специфика сохраняется при всех взаимодействиях как путем сохранения локальных культур своих отечеств, так и путем сохранения культурных предпочтений на глобальном уровне.

1. *Кессиди Ф. Х.* Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. — 2003. — № 1.
2. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона: пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект пресс, 2004. — 379 с.
3. *Мусави Лари С. М. Р.* Западная цивилизация глазами мусульманина. — Баку, 1994. — 240 с.
4. *Хагуров Т. А.* Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — 328 с.
5. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности // Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: АСТ, 2004. — 635 с.
6. *Seers D.* Alternative Scenarios for Developing // Cultural Relations in the Global Community. — New Delhi, 1981.
7. *Zaxarna R. S.* Amerikan public diplomacy in the Arab and Muslim worlds. — [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.frif.org>. Дата обращения: 12.02.2011.